

ПОЛНОЗВЕЗДНАЯ венчания
коно возвращает прошлого
человека к начальнику учи-
лища; везде, прежде чем обратить пр-
кость метафор, просто светят. Этого
освещения (казалось бы, не спо-
собного тянуться с пыльно-коридор-
ной пятнадцативечерней лампочкой)
достаточно, чтобы различить
над длинным дуалом красные об-
ласти цветущего персика и белые
области яблока.

За грядом темных домов трактор
стучит и пропахивает своим газом
садовые сладкие запахи. На полях
в две смены идет сев хлопчатника.
Мон собеседники — агроном, гид-
ротехник, сторож бригадной конто-
ры, раздражаются на редкость злуж-
ной ежидской работе. Пожалуй, во
всем колхозе имени Ленина нет че-
ловека, который не верил бы, что
удается взятие по сорок центнеров
хлопка; в прошлом году уже получили
по тридцать два.

Но какого труда требует это! Вокруг

вопроса о трудахности

хлопка кру-
жится наш разго-
вор, который и ста-
рается начинать на
теме сельской куль-
туры.

Где точка от-
счета при определении
сложности и
объема каждой культурной про-
блемы? Не ее границы с про-
блемой якотомической? В жи-
зни они скомкнуты и движут

друг друга, как кубынки редуктора.
Нет ничего бесмысленнее попыток

обнаружить ключ ко всем культур-
ным проблемам в дверях самого

клуба. Клуб стоит среди пашни, в

соседстве с фермами и мастер-
скими, шумущими в трудовые часы, когда

клуб тих, в окружении жи-
дов, где люди проводят все ве-
черя, за исключением нескольких

клубных. Так почему же отделы

культуры обычно спрашивают с ни-
зовьев работников только за време-

нное наличие в афиши? Принципи-
ческие и отчетности, оторванные

от условий колхозного труда и бы-
тия, вредят нам и приумишают опас-
тво обходить вопросы, будто бы

«уже решены».

Если мы поднимаем со скамьи и

увркимся в кабине (где звонки ве-
сенные ночи), как первая в се-
ребре. Свет! Под звездами мечтать мож-
но — нельзя читать и писать.

Энергия лектории убеждающих,
что в человеке все должно быть
прекрасно, пришла в кинотеатр Чапа-
ева, раньше электрической энергии.
В годы, когда были на селе члены

дома, когда были на селе члены
дома этого колхоза, объединяющего
шесть селений. С изменившего го-
да подчинеными государством
домом. Освещено около трехсот

домов. До Чанадзхиши очередь не до-
шла: это самая дальняя участок

колхоза, растянувшегося на 27 ки-
лометров.

Революционизирующая сила зем-
леделия в быту и культуре испы-
тана давно — многие хорезмий-
ские колхозы теперь уютны ее. Едва ли

ингридиенты они что-нибудь из таков

затяжки — давай только то, что
имеет с лампочкой теплая и ее быт
сомнительен, строен, врывается ра-
сподол, приемник, телефон, маги-
телефон, холодильник.

В книжке «Парчиах» 146 домов.

Свет, полученный под новый год, и за-
тра несется поставщикам 40 радиопро-
мывшников и 50 телевизоров. Заселя-
ющий сельской библиотекой Суд-
ан Абуладзе первый купил кол-
хозный. В его доме горят 15 ламп
из 150 свечей. Я что-то не видел в

колхозе плакатах насчет экономии

электроэнергии — тут переживают

пору романтического увлечения ею.

В таких отдаленных районах
страны, как Хорезм — драйв око-
нечности ясно видны тори-
ческие значимости и вместе с

тем сложности задачи, выявленные
важнейшим съездом: приближе-
ние социально-экономическая и

культурно-бытовых условий сель-
ской жизни и городским. А раз по-
ставлены эти задачи, — с той обу-
данностью решимостью, с какой

стали наращивать задачи нашего

развития партийной съезда — значит,

приниматься за ее разрешение на-
до без промедлений, напористо, ше-
лестустроем. И выйти из плен-
зинских представлений, будто исправ-
ный ход книжеского и многоязы-
чного концерта гастрольной группы ис-
черпывает все призвание сельского

культура библиотеки.

Мы перестали бы быть матери-
алистами, призывающими думать, что с

лекции о прекрасном выходят гото-
вые качества прекрасных людей.

Реальные условия труда и быта си-
ликоночно отпечатываются в со-
знании: именно эти условия, мы

выкладываем самую прочную осо-
бу для нашего просветительского

существа. Внимание и участие сельско-
го клуба, библиотеки ждет не толь-
ко культура отдельных, но и культура

труда, культура быта.

Я ПОБЫВАЛ у многих колхоз-

ников дома. Хорезмский — главный

дом — главный сленг с ис-
тории народа. Нашествием, междо-
убойствием, набегом противостоящих

его носильные стены с угловыми ба-
шнями и оконными, похожими на

бафницы. Они и теперь стоят, эти

дома-крепости.

Кинийская крепость-палац — узень-
ко, тепло и дешева, теперешние строители не преобразят ее,

надо только (против позиций властей)

подложить фундамент из обожженного кирпича и выстелить

изолационный слой.

Хорошо, когда строители берут

из прошлого то, что выверено опи-

шением народом: многократность, вы-
сокие потолки, раскрытый к северу
и югу и т. п. (Из прошлого, добавим
тут же, если от архитекторов исхо-
дит такой проект, словно бы вы-
ключенный из средиземноморского

климата; рабочий город обставлялся
такими лоджиями — жара тут вселя-
лась и сильно пробуждала выゴны от
современных удобств).

Возможные холмозианские дома
наследуют и другие общины. Заня-
тый четырехугольником сен-обре-
гал в прошлом также и домашний
скот. Помыки в многое дома через
широкие порты — двери — шест-
вуют и плюс, и животные коровы
в двух шагах от жилья, под одной
и тем же кровлей.

Вывести или хотя бы обособить

жизненный комплекс отдельной ком-
пании — это задача. Правление колхоза не только имелось

в прошлом, но и сейчас есть.

При этом, как известно, в прошлом

были и другие общины.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

это община, община — это народ.

Сейчас же община — это се-
мья, семья — это колхоз, колхоз —

ВЫ ИХ УСЛЫШИТЕ В МОСКВЕ

ГЮНТЕР ХЕРРМАН
(ГДР)

Родился в 1941 году в Дрездене. В 1950 году поступил на вечернее отделение военного факультета высшей музыкальной школы имени Карла Марии Вебера в Кассе. Венера. Победил в конкурсе с певицей Татьяной Маннер. В 1964 году поступил в Международный музикальный семинар в Лондоне, где учился у Кохи из Праги. У певца — бас-баритон.

ДЖЕЙМС ТОМОН
(США)

Планктон 23 года. Родился в Детройте штате Мичиган. Начал заниматься на фортепиано в четырнадцать лет. Его педагогами были Борис Максимович, Поль Бадура-Шкода, Карло Цинки. В настоящее время совершенствуется под руководством известной пианистки Маргарет Тальмайер и Менделеевской консерватории в Париже.

НОРМА ЛЕРР
(Аргентина)

Бениса 25 лет. Родилась в Аргентине. Рано обнаружила способности и пение. Занималась у Л. Гальперина, а также в Национальной консерватории.

Начиная с 1960 года, певица получала одну за другой премии наиболее значительных организаций своей страны.

ДАНЗАНИШАРАВ
ИМАНГИНОВА
(Монголия)

Родилась в 1932 году в семье артиста-снайдера в Селенгинском районе Монголии. Училась в музыкальной школе по классу скрипичного пения. Дэнзанишара Имангинова была принятой в Монгольский национальный театр оперы и балета. В 1957 году певица становится студенткой Софийской консерватории (Болгария).

Сейчас он солист Государственного театра оперы и балета.

ТОМАС МАКИНТОШ
(США)

Линднер. Родился в 1930 году в Башингтоне, в возрасте двенадцати лет переехал с Национальным симфоническим оркестром в город Вашингтон, а в шестнадцать лет — для обучения в Королевской опере в Таун холле в Нью-Йорке.

Музыкальное образование получил в Бруклинской школе. Занимался под руководством Александра Селиванова, Эдварда Стивенсона, Аделии Маркус.

—КАК ПРОЕХАТЬ к кинотеатру «Пионер»?

На лице кондуктора и пассажиров московского троллейбуса недоумение. Объяснение летят со всех сторон, в них законом гордости:

— Одно из самых красивых зданий города! Настоящий дворец!

И вот это чудесное архитектурное сооружение, украшенное разноцветными панно, с простирающимися фронтами и призматическими залами. В живописном аквариуме плещутся золотые рыбки; за узбекским стеклом в оконных салонах расположились юные шахматисты...

Хорошо! Радостно вместе с детворой перешагнуть порог «храма искусства», послушать беседу педагога, окунуться в споры, вспыхнувшие вокруг фильмов, и поближе познакомиться с мальчишками и девчонками, влюбленными в кино и присоединившимися ему на верность в день посвящения в ответственный сын киногородчанки.

Во главе детского кинотеатра «Пионер» стоит Финис Ивановна Лычко, изнутри знающая киноискусства, человек замечательной биографии — бывший комсомольский работник, смелая предводитель партизанского отряда, авторитетный и умный советский юных зрителей.

За много лет ее работы в маленьком детском кинотеатре, в теперь — в новом, накопившемся такой интересный опыт, что рассказал о нем мог бы составить целую книгу, полезную и поучительную для взрослых.

А пока коротко расскажем о самом интересном. И рассказ этот начнется не с увлекательных обсуждений, кинофестивалей, не с звездных встреч с создателями фильмов и бывальыми любдами, не с громких читок и выставок художественной литературы, а с того, что составляет сердцевину всей работы по эстетическому воспитанию юных кинозрителей, — с организаторской деятельности кинотеатра, выразительного широким актам любителей киноискусства, своих первых и надежных помощников. Их теперь более двухсот человек — ребят, имеющих на руках драгоценную книжечку, «Удостоверение школьного классного киногородчанки».

Создавая институт киногородчанок, Финис Ивановна пришла выдержать немало педагогических боев. Дело в том, что у нее возникла мысль укомплектовать его «неблагородными», «сиротскими», «столичными» юными общественными работниками. Мне кажется, эти рисунки были бы интересны посмотреть жителям разных городов. Так много в них схожести, своеобразия. Энергичная, слегка сплюснутая рисунок — скучающая оленя, Движение — стремительность передышки тоже, Рядом другая композиция: вскоре, чистое до прозрачности утро, яркая зеленая тундра, обрамленная коричневыми склонами с белыми краинами еще неизвестного снега. И белобрых, занятых только собой блондинов на переднем плане. Эти рисунки — уверенные, точные — выполнены талантливой рукой. Автор их — школьник, семиклассник Тимофеев.

Сережа Теркин — также полон впечатлений о тундре. Не видят он это по-своему. Как почуял он этот удивительный, немотивный, чуть мрачноватый колорит просыпающейся после долгой зимы тундры?

— Я думаю, любить к своему храню художников таких картин. И школьник Слава Елисеев, только первоклассница Таня Тихея, только научившаяся держать карандаши, привнесли в высокую рисунки: отмеченные печатью, выполненные талантливой рукой. Автор их — школьник, семиклассник Тимофеев.

Сережа Теркин также полон впечатлений о тундре. Не видят он это по-своему. Как почуял он этот удивительный, немотивный, чуть мрачноватый колорит просыпающейся после долгой зимы тундры?

— Я думаю, любить к своему храню художников таких картин. И школьник Слава Елисеев, только первоклассница Таня Тихея, только научившаяся держать карандаши, привнесли в высокую рисунки: отмеченные печатью, выполненные талантливой рукой. Автор их — школьник, семиклассник Тимофеев.

Мне, как зрительнице, в этой выставке было очень дорого то, что казалось будто перед глазами вставало из прошлого. Но когда перед глазами вставала Чукотка, переданная через призму детского восприятия. «Перед» из прошлого в доме, «Волзех» приехал в бригаду, «Советский человек» на Марсе, «В море на охоте», «Праздник в тундре», «В сельмастах». Все-таки они подглядели, зоркие ребячьи глаза. И передали все с прирожденным вкусом, чувством места, самобытно.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знаменитых художников. У этих ребят другая судьба. Национальные художественные традиции, природная восприимчивость к прекрасному развиваются в них с детства: с детсада, со школьной скамьи. Вот откуда многое думается эта массовая удивительная талантливость. И пусть профессиональные критики пока ничего не говорят об этой выставке, она радует нас, зрителей. А это, я думаю, главное.

Р. ПОТАПОВА.

АНАДЫРЬ.

Может быть, кому-нибудь мое мнение покажется слишком восторженным. Но Чукотка, Гемагуэ, Вуктуагин, Тухай, Эмкуль и многие другие мастера размы и рисунка на моржевой кости самоучки. Чукотские настороже передавали насыщенные краски своего ремесла друг другу от поколения к поколению. Они не боялись уроков в студиях знамен